

КЛИФФОРД
САЙМАК

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
ИЯ

КЛИФФОРД
САЙМАК

ПАЛОМНИЧЕСТВО
В ВОЛШЕБСТВО

Москва
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С12

Clifford Simak

ENCHANTED PILGRIMAGE

Copyright © 1983 by Clifford D. Simak.

Оформление серии А. Саукова

Саймак, Клиффорд.
С12 Паломничество в волшебство / Клиффорд Саймак ; [пер. с англ. К. М. Королева]. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-699-80279-1

В причудливом мире Рыцаря фантастики Клиффорда Саймака тесно переплетаются НФ и фэнтези. Мы оказываемся в мире, где летают драконы, творят чудеса великие маги и, самое главное, Добро по-прежнему побеждает Зло.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-80279-1

© Королев К., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Чердачный гоблин наблюдал исподтишка за монахом, а тот не сводил глаз с книжника, который, не подозревая, что за ним следят, пытался извлечь из-за корешка старинного фолианта какой-то свиток. Гоблин ненавидел монаха и, надо сказать, имел к тому достаточно оснований. Монах же не испытывал ни к кому на свете ни ненависти, ни любви; он отличался завистливостью и склонностью к фанатизму. Поскольку час был поздний, помещение библиотеки пустовало. В нем царил тишина, лишь скреблась где-то в укромном уголке мышь. На столе, за которым сидел книжник, догорала свеча.

Книжник сунул манускрипт за пазуху, поднялся, поставил фолиант обратно на полку и затушил двумя пальцами свечку. Бледный лунный свет, проникавший внутрь сквозь высокие, от пола и чуть ли не до стропил, окна, замерцал на переплетах многочисленных томов. Книжник осторожно двинулся к выходу. Монах постарался поглубже спрятаться в тень и не сделал

ни малейшей попытки остановить книжника. Исполненный ненависти к монаху гоблин озадаченно почесал затылок.

Глава 2

Когда в дверь постучали, Марк Корнуолл ел хлеб с сыром. В маленькой комнате было холодно; в очаге потрескивали дрова, но тепла от них исходило всего ничего. Корнуолл встал, стряхнул с куртки крошки сыра и открыл дверь. На пороге стояло весьма странное существо — крошечное, не более трех футов ростом, худое и сморщенное. Из-под поношенных кожаных брюк виднелись босые, густо заросшие шерстью ноги. Наряд существа дополняли старенькая рубашка из алого бархата и остроконечный колпак.

— Чердачный гоблин, — представилось существо. — Могу ли я войти?

— Разумеется, — ответил Корнуолл. — Я слышал о тебе, но, признаться, всегда считал тебя выдумкой.

Гоблин переступил порог и тут же устремился к очагу. Присев перед ним на корточки, он протянул ладони к огню.

— Это почему же? — справился он. — Тебе ведь известно, что на свете существуют гоблины, эльфы и другие члены Братства. Почему же ты не верил в меня?

— Может, потому, что никогда не видел, — отозвался Корнуолл. — По-моему, ты до сих пор вообще никому не попадался на глаза. Так что, сам понимаешь...

— Я прятался, — заявил гоблин, — скрывался у себя на чердаке, благо там до меня не так-то просто добраться. Дело в том, что некоторые ваши монахи ведут себя, ну, что ли, неразумно. Они начисто лишены чувства юмора.

— Сырку не хочешь? — предложил Корнуолл.

— Что за глупый вопрос? Конечно, хочу!

Гоблин отодвинулся от очага, огляделся и взобрался на деревянную скамью, что стояла у стола.

— Сдается мне, — заметил он, — жизнь у тебя не из легких. Обстановочка, прямо скажем, бедноватая.

— Какая есть. — Корнуолл вынул из висевших на поясе ножен кинжал, отрезал кусок сыра и ломоть хлеба и вручил угощение гоблину.

— И пропитание скудноватое, — продолжал тот.

— Увы. Однако я полагаю, ты явился не за сыром?

— Нет, — сказал гоблин. — Я видел тебя сегодня вечером. Видел, как ты украл манускрипт.

— И что? — поинтересовался Корнуолл. — Он тебе нужен?

— Ни капельки, — проговорил гоблин, вгрызаясь в сыр. — Я всего лишь хотел сообщить

тебе, что видел не только я, а еще и монах по имени Освальд.

— Раз так, почему же он меня не остановил? Почему позволил уйти?

— У меня такое впечатление, что твоя совесть совершенно спокойна. Ты даже не пытаешься отрицать своей вины.

— Ты же видел меня, — произнес Корнуолл. — Видел, но вмешиваться не стал. Значит, у тебя имелись свои соображения.

— Может быть, — согласился гоблин. — Сколько лет ты здесь проучился?

— Почти шесть.

— То есть ты уже не студент, а ученый. Книжник.

— Разница небольшая.

— Возможно. Тем не менее ты вышел из того возраста, когда люди занимаются всяким озорством.

— Наверно. Но что-то я никак не пойму, куда ты клонишь...

— Я клоню к тому, что Освальд видел тебя и все же позволил тебе уйти. Может, он знал, что именно ты крадешь?

— Вряд ли. Я и сам не подозревал о существовании манускрипта, пока не наткнулся на него. Просто, когда книга очутилась у меня в руках, мне показалось, что переплет выглядит как-то странно. Из-под него словно что-то выпирало, как будто между кожей и основой находился посторонний предмет.

— Если он был таким заметным, почему же никто не обнаружил его раньше? — спросил гоблин. — Кстати, как насчет добавки?

Корнуолл отрезал еще сыру.

— Я думаю, ничего тут сложного нет. Должно быть, мне единственному на протяжении целого столетия взбрело в голову снять с полки этот том.

— Что ж, вполне вероятно, — признал гоблин. — А о чем говорилось в той, которую ты листал?

— Рассказ древнего путника, записанный в незапамятные времена каким-то монахом, который, надо отдать ему должное, сделал из книги произведение искусства: красочные инициалы, причудливые узоры на полях. А содержание — так, набор побасенок.

— Тогда зачем она тебе понадобилась?

— Порой из груди лжи проклевывается вдруг росток истины. Я искал упоминание о том, что меня интересовало.

— И нашел?

— Да, но не в книге, а в манускрипте. Мне думается, рассказ в книге записан со слов самого путешественника. Я вовсе не уверен, что подобное нагромождение небылиц могло удостоиться чести быть скопированным хотя бы пару раз. А монах молодец — такой работой можно и нужно гордиться.

— Ты говорил про манускрипт.

— Вообще-то манускриптом его назвать трудно, ибо он состоит всего-навсего из одного листка. Все то же повествование, но с подробностями, которые монах-переписчик почему-то опустил.

— Ты полагаешь, что его в конце концов замучила совесть и он пошел с ней на сделку, сунув листок за переплет?

— Может быть, — отозвался Корнуолл. — Но мы немного отвлеклись. Так зачем ты пришел?

— Монах, — сказал гоблин. — Ты не знаешь этого Освальда, а я знаю. Из всей их братии он самый опасный. Для него нет ничего святого, он готов шпионить за кем угодно. Ты, наверно, уже сообразил, что он намеренно выпустил тебя из библиотеки и не стал поднимать шум.

— Похоже, мое поведение тебя ничуть не возмущает, — хмыкнул Корнуолл.

— Ты прав. Скорее я на твоей стороне. Этот треклятый монах столько лет отравлял мне жизнь, все норовил поймать меня, загнать то в одну, то в другую ловушку. Я, разумеется, не давал ему спуска, отплачивал всякий раз, когда он проворачивал очередную гнусность, однако он не отступался. Так что, как ты, вероятно, уже догадался, я питаю к нему отнюдь не добрые чувства.

— Ты думаешь, он выдаст меня?

— Насколько я его знаю, — ответил гоблин, — он попытается продать свои сведения.

— Кому? Кому они нужны?

— Начнем с того, — сказал гоблин, — что похищенный тобой манускрипт был спрятан за переплетом старинной книги. То, что его позаботились спрятать — и похитить, — наводит на размышления, не правда ли?

— Пожалуй.

— Как в городе, так и в самом университете, — продолжал гоблин, — найдется немало беспринципных искателей приключений, которые наверняка заинтересуются рассказом монаха.

— По-твоему, манускрипт могут утащить?

— Разумеется. А вместе с ним в опасности и твоя жизнь.

Корнуолл вновь угостил гоблина сыром.

— Благодарю, — сказал тот. — А нельзя ли получить еще хлебушка?

— Ты оказал мне услугу, — проговорил Корнуолл, выполнив его просьбу, — и я тебе весьма признателен. Но скажи, какого исхода ты ожидаешь?

— А разве не ясно? — удивился гоблин. — Я хочу, чтобы этот противный монах сел в лужу и как следует извозился в грязи. — Он положил хлеб с сыром на стол, сунул руку за пазуху и извлек оттуда несколько листов пергамента, которые расстелил на столе. — Сдается мне, сэр книжник, ты умеешь обращаться с пером.

— Во всяком случае, писать я пишу, — ответил Корнуолл.

— Ну и хорошо. Вот старый пергамент, с которого стерли весь прежний текст. Я предлагаю тебе переписать твой листок и возвратить его на место.

— Но я не...

— Перепиши его, — перебил гоблин, — но не целиком, а с изменениями, маленькими, незаметными, которые собою ищут следов.

— Это просто, — сказал Корнуолл, — но свежие чернила выдадут подделку, и потом мне не под силу скопировать в точности почерк. Обязательно проявятся различия, которые...

— Да кто сумеет их установить? Манускрипт видел только ты, поэтому за почерк можно не беспокоиться. Пергамент достаточно древний, а что касается стертого текста, то в старину такие вещи проделывали довольно часто.

— Не знаю, не знаю, — пробормотал Корнуолл.

— Чтобы отличить оригинал от подделки, нужен глаз книжника — а с чего ты взял, что твое творчество попадет в руки кому-нибудь из них? К тому же тебя все равно здесь не будет...

— Не будет?

— Конечно. Или ты полагаешь, что можешь оставаться тут после всего, что случилось?

— Наверно, ты прав. Честно говоря, я и сам подумывал уйти.

— Надеюсь, то, что написано в манускрипте, не окажется пустой выдумкой. Но даже если...

— По-моему, не окажется, — заявил Корнуолл.

Гоблин соскользнул со скамьи и направился к двери.

— Постой, — окликнул его Корнуолл. — Ты не назвал мне своего имени. Мы еще увидимся?

— Меня зовут Оливер, — по крайней мере, так я представляюсь людям. А насчет того, чтобы увидеться... Вряд ли. Хотя... Сколько тебе понадобится времени, чтобы изготовить подделку?

— Немного.

— Тогда я подожду. Мои возможности невелики, но кое в чем я смогу тебе помочь. Я знаю заклинание, которое обесцвечивает чернила и придает пергаменту, если его правильно сложить, весьма древний вид.

— Я сяду за работу прямо сейчас, — сказал Корнуолл. — Ты не стал спрашивать меня, что же там такое написано, и большое тебе за это спасибо.

— Так ты же прочтешь мне, — заявил гоблин.

Глава 3

Лоуренс Бекетт засиделся со своими людьми допоздна. Все они усердно накачивались вином. Есть никому уже не хотелось, хотя на огромном, сплошь покрытом щербинами сто-

ле по-прежнему стояло блюдо с наполовину обглоданной бараньей ногой, а рядом лежало полбуханки хлеба. Горожане, которые заглянули в таверну, чтобы скоротать вечерок, давно разошлись по домам; хозяин отослал слуг спать, а сам остался за стойкой. Его клонило ко сну, он то и дело зевал, но вовсе не сердился на загулявших посетителей, ибо те проявляли столь редкую для «Головы вепря» щедрость. От студентов, которые порой заходили в таверну, было больше шума, чем прибыли, а горожане, как правило, не давали себе воли; к тому же «Голова вепря» располагалась на одной из многочисленных боковых улочек, поэтому торговцы вроде Лоуренса Бекетта были в ней не частыми, но всегда желанными гостями.

Дверь распахнулась, и в залу вошел монах. Он постоял, привыкая к царившему внутри полумраку, потом огляделся по сторонам. Хозяин за стойкой весь подобрался. Чутье подсказало ему, что появление этого посетителя сулит мало хорошего. Помимо всего прочего, святые отцы вообще не баловали таверну своим вниманием. Монах выждал мгновение-другое, похоже, справился с сомнениями, подобрал рясу, чтобы не волочилась по полу сего прибежища скверны, и направился в тот угол, где сидел за столом Лоуренс Бекетт. Подойдя поближе, он остановился и посмотрел Бекетту прямо в глаза. Тот

ответил ему вопросительным взглядом. Монах промолчал.

— Элберт, — позвал Бекетт, — налей-ка этой ночной пташке вина. Когда еще придется чокнуться с человеком, который носит рясу?

Элберт наполнил стакан и, повернувшись на стуле, протянул его монаху.

— Мастер Бекетт, — сказал монах, — мне надо поговорить с вами наедине.

— Ну конечно, — Бекетт растянул губы в улыбке, — конечно. Но наедине не получится. Мои люди со мной заодно, и то, что предназначено услышать мне, годится и для их ушей. Элберт, подай нашему гостю стул.

— Нет, — возразил монах, — только наедине.

— Ладно. Давайте, ребята, пересаживайтесь за другой стол. Если хотите, можете прихватить с собой свечу.

— Мне кажется, вы смеетесь надо мной, — заметил монах.

— Ну да, — согласился Бекетт. — А что, нельзя?

Монах сел на стул рядом с Бекеттом, осторожно поставил на стол стакан с вином и стал наблюдать, как перебираются в другой угол спутники торговца.

— И какую же тайну ты хочешь мне открыть? — справился Бекетт.

— Прежде всего, я знаю, кто вы такой на самом деле. Знаю, что вы никакой не торговец.